УДК 316:314

Б. И. Сидоренко,
А. Ф. Свиб

СОЦИУМ И ЭТНОС: РУССКИЕ В МОГИЛЕВЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Сидоренко Борис Игоревич *– кандидат исторических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор более 150 публикаций и 120 научных статей, в том числе 3-х монографий, учебного пособия и 4-х разделов коллективной монографии по истории Беларуси и России, Могилева и Могилевщины.*

Свиб Анжелика Феликсовна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор около 40 публикаций, включая научные и научно-методические статьи, тезисы научных статей, курсы лекций, книги и монографии.*

Формирование этнической структуры белорусского города и ее количественные параметры, заданные почти 120-летней динамикой общественного развития — с момента проведения первой государственной переписи и до сегодняшнего дня,— одна из наиболее интересных и перспективных тем белорусской демографической и социальной науки. Изучение взаимодействия социума и этноса приводит к интересным выводам и обобщениям, которые касаются и не относящихся к коренному населению структурных составляющих демографической картины того или иного города. Генезис и развитие таких национальных меньшинств в количественном измерении и социальной обусловленности позволяет более рельефно представить их роль и место в жизни не только города, но и всего социума. О русских как этносе и их демографической и социальной нише в составе населения Могилева — одного из крупнейших белорусских городов — и пойдет речь в этой статье.

Самые ранние и наиболее достоверные количественные данные о численности этнических русских, проживавших в Могилеве, появились в результате Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г. В основу ее был положен принцип опроса. Переписной формуляр включал более 10 вопросов: фамилия, имя, отчество лица, пол, отношения с главой семейства, семейное положение, сословие или звание, место рождения, место приписки и проживания, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие. Согласно данным этой переписи в Могилеве проживало 43119 человек, из которых на основании родного языка к русским (великороссам) отнесли себя 6844 человека, что составило почти 16% населения города. После евреев (21453 человека) и белорусов (12847 человек) русские занимали третье место в национальной городской структуре, но даже общее славяно-православное население (19772 человека) не превышало еврейского, хотя решающего преимущества перед славянами евреи в губернском центре не имели.

Подавляющее число русских в Могилеве относилось к военнослужащим (1435 человек) и членам их семей (219 человек), значительная часть (334 человека) несла службу в губернской, уездной и городской администрации, суде и полиции и вместе с находящимися на их иждивении лицами (625 человек) также составляла значительную группу. Частной и служебной деятельностью, поденной работой и услужением занималось 547 человек (48 членов их семей). За счет средств от казны, общественных учреждений и частных лиц существовало 502 человека. Остальные русские занимались торговлей, разного рода промыслами, работали в сфере услуг, обслуживали почту и телеграф, искали заработок. В пределах Могилевской губернии русские обладали высоким уровнем грамотности (285 грамотных на 1000 жителей) и, хотя по этому показателю уступали полякам и евреям, опережали белорусов и украинцев. Что же касается общей статистики по городам пяти западных губерний, то по количеству лиц с уровнем образования выше начального, как отмечают исследователи, русские

лидировали (134 человека на 1000 жителей)[1]. Большое число русских в статусе военнослужащих не должно вызывать удивления. Помимо губернских воинских и жандармских управлений в год проведения переписи в Могилеве квартировалась 1-я бригада 41-й пехотной дивизии в составе 161-го Александропольского и 162-го Ахалцыхского пехотных полков. Высокая доля русских в составе чиновничьего сословия — административного, управленческого, судебного, полицейского аппарата губернии, города и уезда — объясняется тем, что чиновником в Российской империи считался всякий государственный служащий, имевший чин — служебный разряд, под который попадал и учитель гимназии, и почтмейстер, и инженер-путеец. Чин, в свою очередь, зависел от уровня образования и благородства происхождения, так что высокая грамотность русских делала свое дело.

По месту рождения большинство русских жителей в днепровском губернском центре составляли выходцы из Костромской губернии (910 мужчин и 8 женщин), много было выходцев из Московской губернии (102 мужчины и 99 женщин) и из самой Москвы (92 мужчины и 85 женщин), Нижегородской (172 мужчины и 8 женщин), Санкт-Петербургской (55 мужчин и 67 женщин) и столичного Санкт-Петербурга (49 мужчин и 64 женщины), Смоленской (63 мужчины и 61 женщина), Калужской (99 мужчин и 24 женщины) губерний. Далее располагались Ярославская, Орловская, Тверская и Тульская губернии. Высокая доля костромичей и нижегородцев в населении Могилева при небольшом числе женщин позволяет предположить, что именно выходцами из Костромской и Нижегородской губерний был укомплектован рядовой состав воинского контингента Александропольского и Ахалцыхского полков. Русские составляли весомую часть в учебно-воспитательной, культурно-просветительной, финансово-хозяйственной и судебной сферах[2].

Утверждение отдельных авторов (например, П. Терешковича) о том, что белорус, живший на рубеже XIX-XX веков, видел в русском прежде всего помещика, чиновника и военнослужащего[3], опровергаются переписью 1897 г. В отношении губернского Могилева оно верно лишь отчасти, да и то с очень существенными оговорками. Национальные различия между этническими группами близкородственных народов, связанных общностью социально-бытовых условий, особенно в рамках одной и той же социально-классовой среды, будут воплощаться скорее во взаимном субъективно-психологическом восприятии. Вводить его в теоретический оборот столь же бессмысленно, как рассуждать о количестве счастья или несчастья, приходящегося на душу русского или белоруса в каждый миг бытия. Губернский центр той поры находился под сильным влиянием еврейской и польской

---

1 Каспяровіч Г.І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект).
2 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С. 196-197.
3 Терешкович П. Русские в Беларуси. С. 171.

традиции. Поскольку евреи жили полузамкнутыми общинами — кагалами, еврейская традиция, предельно консервативная в отношении иных этносов, не претендовала на какие бы то ни было политические преференции и ограничивалась доминированием в экономической сфере. Иное дело — польская традиция, ассоциировавшая себя с частью традиции общеевропейской (западной католической) и имевшая определенное количество почитателей. Она оказалась в Могилеве очень живучей благодаря своей внешней привлекательности и дистанцированности от всего русского. Однако она также не могла рассчитывать на первенство в силу своей оппозиционности к русской национальной идее, хотя и стала к исходу XIX века более лояльной к власти. Тем не менее по части культуры польский традиционализм уступать не хотел, хотя медленно, но верно сдавал свои позиции. И это при том, что чисто польского населения, в смысле племенного различия со славяно-православным, в городе было очень немного, к «полякам» на основе языка и веры в 1897 г. отнесло себя 1329 человек, к выходцам из Привислинских губерний — 196 человек. Проще говоря, еврей мог ассоциироваться с торговцем, маклером и не очень порядочным человеком, а поляк или полонизированный белорус — с высокомерным типом, который всем своим видом дает понять, что может требовать больше, чем ему положено. В отношении же русских и белорусов такая ситуация не приводила да и не могла привести горожан к корреляции и закреплению за представителями этих этносов сословно-классовых и административно-профессиональных признаков. Если перевести этот довод на язык цифр, то выяснится, что численность белорусов — служащих губернской администрации, суда и полиции — составляла 342 человека (и 623 члена семей) и была даже несколько выше, чем русских — 334 человека (и 605 членов семей). В воинских подразделениях, размещенных в губернском центре, белорусов — младших чинов и офицеров — насчитывалось 506 человек (и 57 членов семей), что составляло более 1/3 воинского контингента от числа русских[1].

В 1917 г. статистический отдел Могилевской губернской земской управы во время Первой мировой войны провел выборочную городскую перепись. Ее материалы хранятся в Государственном архиве Могилевской области и содержат интереснейшие факты о том, что в то время в Могилеве проживало 55951 жителей, из которых русскими назвались 12809 мужчин и 15478 женщин (всего 28287 человек), что составляло более половины населения города (50,6%)[2].

Особый интерес вызывает документ под названием «Состав населения по национальному признаку и состоянию в КПБ на 1 ноября 1924 г. (г. Могилев)», хранящийся в Архиве общественных объединений Могилевской области. Согласно массовому учету

1 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Том XXIII. С. 196-197.

2 Терешкович П. Русские в Беларуси. С. 21.

населения, проведенному партийно-советским активом, население города составило к означенной дате 41625 человек и относило себя к следующим национальностям: белорусы — 8390, великороссы — 14525, евреи — 16742, поляки — 1312, литовцы — 245, латыши — 216, прочие — 195, при этом русские в общей массе составляли 34,9% жителей[1]. Столь значительные количественные расхождения также имеют свое объяснение — после провозглашения Литовско-Белорусской ССР в конце февраля 1919 г. Могилев выводился из состава этой республики и до марта 1924 г. входил в состав РСФСР, поэтому общее количество русских оставалось достаточно высоким, многие жители считали более приемлемым именоваться по названию страны проживания, опять же и те, и другие в различия по национальным особенностям не вникали.

ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ 1919 г. МОГИЛЕВ ВЫВОДИЛСЯ ИЗ СОСТАВА ЭТОЙ РЕСПУБЛИКИ И ДО МАРТА 1924 Г. ВХОДИЛ В СОСТАВ РСФСР, ПОЭТОМУ ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО РУССКИХ ОСТАВАЛОСЬ ДОСТАТОЧНО ВЫСОКИМ, МНОГИЕ ЖИТЕЛИ СЧИТАЛИ БОЛЕЕ ПРИЕМЛЕМЫМ ИМЕНОВАТЬСЯ ПО НАЗВАНИЮ СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

В 1926 г., когда по результатам первого укрупнения Могилев уже два года вновь развивался в составе БССР, была проведена Всесоюзная перепись населения, наиболее полная из всех довоенных переписей. На этот год в городе проживало 50063 человека, из них русских — 6706 человек, или 13,4% всех горожан[2]. Данные переписей 1897 и 1926 годов в части процентного отношения числа русских к общей численности населения Могилева практически сравнялись, зато теперь возобладала другая тенденция, искусственно поддерживаемая республиканской и местной властью и вызванная начавшейся и проводимой на государственном уровне политикой «коренизации» (белорусизации).

Результаты пробной переписи 1937 г. частично уничтожены, частично засекречены, на тот год в Могилеве проживало 85 тыс. жителей, но их национальный состав остается неизвестным. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. зафиксировала в Могилеве 99428 жителей, из них русских — 12499 человек, или 12,6% от общего числа горожан[3]. В процентном отношении ко всем жителям между переписями 1926 и 1939 гг. доля русского населения упала, поскольку покрывалась миграцией из деревни, но в абсолютных цифрах увеличилась более чем вдвое. Обращает на себя внимание высокий процент русских среди партийно-хозяйственного актива Могилева. Так, на 1 января 1941 г. Могилевская партийная организация КПБ включала в себя 2894 кандидата и члена партии,

---

1 Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния.
Статистический отдел Могилевской Губернской Земской управы. Ф. 1131. Л. 41.

2 Государственный архив общественных объединений Могилевской области.
Ф. 6622. Оп. 1. Д. 272. С. 2-3, 7, 215.

3 Российский государственный архив экономики. Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995. Л. 258-259.

в том числе 607 русских (20,9%)[1]. Промышленное и культурное развитие города в годы первых пятилеток требовало большого числа квалифицированных специалистов в области текстильной промышленности, металлургии и машиностроения, которых в областном центре не хватало, что в свою очередь стимулировало и поощряло управляемую миграцию опытных кадров из РСФСР, прежде всего выпускников вузов и техникумов из промышленно развитых регионов. Появление в Могилеве дополнительного воинского контингента и воинских учреждений, вызванное усложнением международной обстановки на западных границах СССР, также способствовало увеличению числа русских в общей массе населения города.

Первая послевоенная Всесоюзная перепись населения СССР 1959 г. определила численность населения Могилева в 121712 человек. К русским из этого числа отнесли себя 18569 его жителей, или 15,3% населения. Русские прочно занимали второе место в городской национальной структуре, опережая евреев (6,3%), украинцев (2,6%) и поляков (0,5%)[2]. На увеличение, а затем и стабилизацию их процентного соотношения в населении города вновь повлияли миграционные процессы, вызванные последствиями войны и завершением восстановительного периода и обусловившие приток в город квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров, теперь уже в области химического производства, которое становилось определяющим в промышленной инфраструктуре Могилева.

Новая Всесоюзная перепись населения СССР 1970 г. установила общее количество населения Могилева в 202314 человек. Русские из них составляли 31362 человека (15,5%), больше, чем евреи — 8064 (4%), украинцы — 5229 (2,6%) и поляки — 817 (0,4%), в то время как в общей массе населения БССР русских было 0,7%[3]. Следующая Всесоюзная перепись населения 1979 г. установила численность городских жителей в 289708 человек. Русские вновь прочно обосновались на втором месте и составили 43514 человек (15%), опережая евреев — 7771 (2,7%), украинцев — 6988 (2,4%) и поляков — 1051 (0,3%).Наконец, последняя перепись, проведенная в СССР в 1989 г., зафиксировала следующую демографическую ситуацию: население Могилева достигло 356864 человека и по национальному признаку распределилось на: белорусов — 278992 (78,2%), русских — 56268 (15,7%), украинцев — 10323 (2,9%), евреев — 6670 (1,9%) и поляков — 1070 (0,3%)[4].

Распад Советского Союза сказался и на демографической статистике Могилева. Хотя в суверенной Республике Беларусь город вышел на третье место по количеству жителей, его население фактически перестало расти и согласно Республиканской

---

1 Там же. Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995. Л. 77-78 об.

2 Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 9. Оп. 3. Д. 18. С. 120-121.

3 Население Могилевской области: статистический сборник. С. 201.

4 Всесоюзная перепись населения СССР 1970 года. С. 37.

переписи населения 1999 г. остановилось на цифре 356457 человек, из которых русские составили 38455, или 10,8%[1]. Республиканская перепись 2009 г. дала общую численность населения Могилева в 358279 человек, в том числе русских в городе — 25601, или 7,1%[2]. Общая же доля русских в населении Беларуси за десятилетие с 1999 по 2009 гг. сократилась с 11,4% до 8,3%[3].

Конституция 15 марта 1994 года (в редакциях 1996 и 2004 годов) установила два государственных языка — русский и белорусский (статья 17)[4]. Таким образом, нельзя связывать уменьшение процентной численности русских в городе Могилеве с какими-то национальными, языковыми и пр. притеснениями. «Государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов», — гласит статья 14 часть 1 ныне действующей Конституции[5].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА МОГИЛЕВА ПОКА ЕЩЕ НЕ СТАЛА ПРЕДМЕТОМ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ И ТРЕБУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОБОБЩАЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Демографическая статистика Могилева пока еще не стала предметом всестороннего изучения и требует продолжения обобщающих исследований. Так, например, статистический материал не подтверждает тезис о численном преобладании русских среди чиновничьего сословия губернского Могилева, в равной степени как и об абсолютном доминировании их среди рядового состава и офицерства в воинских частях, размещенных в городе[6].

Аналогичный вывод может быть распространен и на 1920-1930 гг. «На наш взгляд, — указывает специально изучавший этот вопрос М. И. Старовойтов, — необходимо отказаться от стереотипа, что русские были только чиновниками»[7]. Следует отказаться и от другого схематического и ничем не подтвержденного образа русских, относящегося уже к послевоенному времени, и особенно к периоду «развитого социализма». Бытует представление, что в связи с масштабным промышленным строительством в Могилеве за русскими, прибывшими в город в качестве специалистов в области химического производства, закрепился приоритетный статус среди управленцев и инженерно-технических кадров среднего звена, тогда как белорусы — выходцы из деревни — представляли основной костяк рабочей силы. Исследования показали, что в целом по БССР уровень занятости русских в народном хозяйстве в 1979 г. составил: среди рабочих — 49,1%, служащих — 47,6%. Так что «в начальниках» русский не ходил

1 Население СССР: По данным переписи 1989 года. С. 120-121.
2 Население Могилевской области. Статистический сборник. С. 30.
3 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Могилевская область. С. 8.
4 Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года.
5 Там же.
6 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. С. 440.
7 Старовойтов М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.). С. 355.

и «белой костью» себя не считал. При этом образовательный уровень русского населения на Беларуси был выше, чем в самой России, каждый второй русский занимался преимущественно умственным трудом. В 1987 г. на 10000 русских в БССР приходилось 33 доктора и 398 кандидатов наук[1].

Современное русское население Могилева представляют три основные группы. Первая — это потомки русских, которые поселились в городе с незапамятных времен и которые в культурно-бытовом отношении давно фактически слились с местными жителями, тем более что в условиях полиэтничности города их мало что разъединяло с коренным населением.

Ко второй группе можно причислить коренное русское население (старожилов), предки которых жили в Могилеве на протяжении нескольких поколений и сохранили память и родственные связи со своей исторической родиной. Эта группа всячески поддерживает контакты с Россией и живо интересуется всем происходящим в своем историческом отечестве. Ментальной устойчивостью эта часть русских была обязана объединенной общности признаков «советского народа», категорическим конституционным и партийно установленным запретом на какую бы то ни было дискриминацию по национальному и языковому признаку в интернациональном СССР, даже на бытовом уровне, и особенностью специфики содержания понятия культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию». Все эти установки, сформировавшиеся в советском прошлом, воспринимались его русскими носителями как сами собой разумеющиеся и были ими же перенесены в XXI век. Однако в советский период во всех анкетах, паспорте и иных документах присутствовала графа — «Национальность», что не коррелировало с пресловутым советским интернационализмом. Многие граждане скрывали свою истинную национальную принадлежность, опасаясь преследований по национальному признаку (поляки, евреи). Поэтому в быту в советское время была распространена фраза: «Бьют по лицу, а не по паспорту, запишись русским».

Третью, наиболее многочисленную группу русских в Могилеве представляют мигранты, которые прибыли в город не очень давно, в послевоенный период. Их появление связано со строительством в 50-60-е гг. XX в. в областном центре завода искусственного волокна им. В. В. Куйбышева (завод № 511) и крупнейшего на тот момент в Европе комбината синтетического волокна им. В. И. Ленина. Возведение и пуск этих «флагманов социалистической индустрии» требовали огромного количества специалистов — химиков и строителей разного профиля. Сооружение комбината было провозглашено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По комсомольским путевкам и вузовским распределениям в Могилев попало большое количество этнических русских, особенно из числа выпускников институтов

[1] Каспяровіч Г. І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект). С. 77-78.

и университетов Москвы, Ленинграда, Иванова, Кемерова, Красноярска, Курска. Эта группа ежегодно продолжала пополняться вплоть до распада СССР. Миграции способствовал сложившийся на государственном уровне курс на всестороннюю интернационализацию образа жизни трудовых и общественных коллективов, стирание классовых границ и этнокультурных различий. Окончательно сложившаяся в годы развитого социализма в Могилеве русско-советская культурная традиция делала процесс вживания мигрантов в городскую среду быстрым и безболезненным[1]. Что же касается белорусского социума в целом, бывшего большую часть XX века сельским по своей сущности, с характерными признаками психического склада аграрного сообщества, то и здесь трений не возникало. «Традиционное крестьянское общество,— приходит к выводу Ю. Борисенок,— в целом мирно уживалось с «москалями», и с евреями, и с поляками, а наступление цивилизации на пороге XX века привело к быстрому исчезновению наиболее архаичных представлений. В современном сознании белорусов, в том числе и на пограничье с Россией, описанные выше приметы практически не встречаются: политические, экономические и ментальные перемены были настолько глубоки и масштабны, что прежние традиции исчезли из народного ощущения мира»[2]. При этом отметим, что гораздо раньше, уже ко второй половине XIX века, в повседневной жизни губернского Могилева эти традиции и национальная архаика были начисто перемолоты городской средой, а в областном Могилеве никак о себе не напоминали.

С 1994 года этому во многом способствовала новая Конституция, которая, в отличие от многих конституций того периода на постсоветском пространстве, прямо отметила, что «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» (статья 22)[3].

Вместе с тем в результате снижения естественного прироста и почти полного прекращения миграции увеличение численности русских в Могилеве замедлилось, а за последние два десятилетия в связи с нарастанием депопуляционных тенденций и этнотрасформационных процессов прекратилось. Количество русских в Могилеве, как и в целом по республике, начало падать[4]. После распада СССР далеко не все русские положительно восприняли первые шаги нового правительства Республики Беларусь в области культуры, национальной и языковой политики, и, хотя большинство из них заняло выжидательную позицию, мало кто верил в декларируемое на самом высоком уровне сохранение их национальной идентичности. Русских настораживала откровенно русофобская

---

1 Старовойтов М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.). С. 263.

2 Борисенок Ю. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре. С. 49.

3 Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года.

4 Рускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 6.— С. 144.

позиция деятелей Белорусского народного фронта, положительно воспринятая тогда значительной частью белорусской интеллигенции, пропагандирующая насильственное внедрение белорусского языка, пересмотр «русского вопроса» в общественной жизни и «русского фактора» в белорусской истории, ориентацию на западные ценности и прямое противопоставление «европейскости» белорусов русской «азиатчине».

В силу этих причин, за которыми неизбежно должна была последовать дискриминация по национальному и языковому признаку, как это произошло в соседней Прибалтике, многие русские вернулись в Российскую Федерацию. В дальнейшем, благодаря вмешательству государства, антирусские тенденции в белорусском обществе, не получив широкого распространения, стали стихать и притупляться, но полностью не исчезли и даже закрепились в сознании национально ориентированной и радикально настроенной незначительной части белорусов, особенно молодежи. Здесь крайне уместно еще раз сослаться на указанные статьи Конституции, которые не позволили Беларуси разорваться на западную и восточную (что неоднократно имело место ранее, особенно в критические историко-правовые моменты), это свидетельствует о мудрости и дальновидности политических руководителей, а также разработчиков Конституции и тех, кто ее принял.

Отток русского населения из Могилева продолжался и в дальнейшем, но теперь уже по другим обстоятельствам. Экономическая система, сложившаяся в России к началу XXI века, несмотря на все издержки, оказалась более либеральной и успешной, чем белорусская, которую Я. Корнаи назвал «имитационной бюрократической «рыночной» экономикой, где велико неадекватное принудительное вмешательство государства в становление рынка, что деформирует его»[1]. Российская экономическая модель, предлагающая более высокую оплату труда, уже сейчас на наших глазах оживила репатриацию наиболее мобильной и креативной части русского населения из Беларуси в Российскую Федерацию. Пока в Беларуси не отменят многочисленные административные ограничения и не снизят налоговую нагрузку, негосударственный капитал, во-первых, не сможет оказать существенного влияния на развитие всей экономики и, во-вторых, будет дальше игнорировать производственную сферу деятельности в пользу торгово-посреднических операций[2]. Львиная доля этих операций приходится на Россию.

Репатриационным тенденциям способствуют и обоснованные опасения некоторых категорий русского населения относительно смены внешнеполитических приоритетов Беларуси и постепенной переориентации на Запад. «Надо отдавать себе ясный отчет, — считает Т. Соловей, — Украина и Беларусь не могут бесконечно долго оставаться равноудаленными от двух

[1] Усоский В. Н. Белорусская экономика: переходный этап. С. 52.
[2] Андрос И. Современное белорусское предпринимательство. С. 24.

центров силы — Евросоюза и России. Они обречены примкнуть к одному из них. И этот выбор, похоже, определился: Киев и Минск дрейфуют, пусть с разной скоростью, в одном направлении — на Запад. Можно скрупулезно анализировать извилистое движение по этому пути и аргументы pro et contra, однако все их обилие сведется в конечном счете к одному решающему пункту: Евросоюз привлекателен социально, экономически и политически. Россия выглядит и действует отталкивающе»[1]. Уже сейчас молодая белорусская историография продолжает судорожные поиски национальной идеи, нередко на антироссийском поле. Пользуясь крайне низким уровнем читательской культуры на постсоветском пространстве, русофобские фантазии, облеченные в книги и статьи, предлагаются не для «внутреннего пользования», а адресуются именно российскому читателю для его «ознакомления» с «подлинной» историей соседних государств, свободной от «московоцентричной теории развития народов бывшей Российской империи». Фактически же речь идет о попытке навязать российской аудитории в Беларуси комплекс «вины» за «колониальный» период истории России и внести раздор в отношения между близкородственными народами[2].

Совокупность всех этих перечисленных факторов привела к тому, что на исходе XX века в миграционной структуре выбывших из Беларуси русские лидировали, их удельный вес составлял почти 50%. Почти девять из десяти русских переезжали на постоянное место жительства в Россию[3]. В структуре внешних миграционных процессов среди эмигрантов из числа национальных меньшинств в дальнее зарубежье русские преобладали[4]. Общее же количество русских в Могилеве, как уже сообщалось, сократилось с 10,8% в 1999 г. до 7,1% в 2009 г., и в общих цифрах потери выглядели достаточно заметными и повлекли за собой уменьшение численности с 38,4 тыс. до 25,6 тыс. человек.

Наряду с этим нельзя не отметить факторы, способствующие закреплению русских в национальной структуре областного центра в качестве второй по численности этнической группы. Гетеростереотипы (расхожие мнения о других этносах) в Могилеве выявлены в отношении наций, традиционно значимых для русского населения города. Среди славян это украинцы, белорусы, словаки, чехи, сербы, болгары. Все они воспринимаются как близкие русским в духовном и культурно-языковом плане. При этом нынешние отношения бывших соотечественников по СССР не менее 1/3 участников общественного опроса, проведенного автором, считают «отдаляющимися, но зависимыми от сильного соседа», подразумевая экономический аспект взаимодействия между Россией, Украиной и Беларусью. Антогонизма, страха, угрозы со стороны народов, диаспоры которых проживают в Могилеве и отличаются

1 Соловей Т. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность. С. 19.
2 Ганин А. Странная история доктора Грицкевича. С. 105.
3 Русские в Беларуси. С. 17.
4 Шахотько Л. П. Специфика демографической ситуации в Республике Беларусь. С. 50.

от русских по духу, религиозной принадлежности, национальному характеру и темпераменту, респонденты не испытывают, что наблюдается и в самой России[1].

Нельзя пройти мимо еще одного очень важного момента. В условиях городской культуры Могилева модернизация (или индустриализация) хозяйственной жизни народов, его населяющих, явилась принципиально новой эпохой этнического бытия, когда прежняя природа этнокультурной действительности начала коренным образом изменяться. Новый этап, начало которого мы относим к рубежу XIX-XX столетий, характеризовался прежде всего тем, что из хозяйственной жизни по мере развертывания индустриализации все более интенсивно вытеснялись специфические у каждого доиндустриального этноса основания бытия. Это бытие теперь начинало базироваться на дифференцированной специализированной деятельности и обмене ее результатами в системе, в которой для этнической специфики производства в технико-технологическом аспекте уже не оставалось места. Поскольку русские составляли в Могилеве значительную часть наиболее мобильной социальной группы, которая шла во главе модернизационных процессов, и зачастую сами определяли эти процессы, то и их влияние на общегородскую среду, очень восприимчивую к таким модернизационным новациям, придавало этой этнической группе повышенную устойчивость, на которой впоследствии базировалась высокая адаптированность к среде обитания коренного населения. В этот период комплекс основных особенностей специализированной культуры адаптации в городской среде и необходимых для ее воспризводства связей (прежде всего языковых) служил главным критерием для сознания русской этнической общности (вне основного ареала ее проживания) и ее отличия от других подобных общностей, т.е. самосознания, выраженного в самоназвании этноса. При этом и сами культурные черты превращались для их носителей в очевидный «маркер» этнических особенностей, выполняли функцию этноконсолидирующей связи[2].

Для того, чтобы произошло совмещение белорусской государственной и русской этнической идентичностей, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. В стране и в городе, где белорусы составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности этого большинства. Но такая тенденция приводит к тому, что белорусская идентичность обязана стать привлекательной для других народов Беларуси, соответствовать также и их интересам. Этническое белорусское и русское национальное самосознание совместимы и пересекаются в том случае, если то и другое находятся в пределах нормы. Нормальной этнической идентичностью следует считать ту, при которой образ своего народа воспринимается как

1 Шестопал Е. Б. Этнические стереотипы русских. С. 65.
2 Карлов В. В. Этносы и адаптация к среде обитания. С. 50-51.

положительный, отношение к его культуре, истории благоприятное (что не исключает критики определенных их сторон), имеет место естественный патриотизм (не переходящий в фаворитизм) и толерантные установки на общение с другими народами, людьми других национальностей, понимание их вклада в историю. Большая роль тут отводится белорусскому праву и законодательству. Они, на взгляд авторов, должным образом отражают тонкую грань культурного и национального, защищают этнические особенности русских и иных национальных меньшинств, проживающих в Беларуси и в городе Могилеве в частности. Примерами служат экономика и социальная сфера, образование, медицина и трудовая деятельность, где русские равны в своих правах с белорусами.

НОРМАЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ ТУ, ПРИ КОТОРОЙ ОБРАЗ СВОЕГО НАРОДА ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ОТНОШЕНИЕ К ЕГО КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ БЛАГОПРИЯТНОЕ (ЧТО НЕ ИСКЛЮЧАЕТ КРИТИКИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ИХ СТОРОН), ИМЕЕТ МЕСТО ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ (НЕ ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ФАВОРИТИЗМ) И ТОЛЕРАНТНЫЕ УСТАНОВКИ НА ОБЩЕНИЕ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ, ЛЮДЬМИ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПОНИМАНИЕ ИХ ВКЛАДА В ИСТОРИЮ

При нормальной этнической идентичности люди могут испытывать разную потребность в ассоциированности с этнической группой и иметь разный уровень консолидированности с ней. Это зависит как от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричасности, сохранении связей с этнической группой и исторической родиной, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (есть ли какая-то заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации). Но именно то, что люди открыты для общения с другими этническими группами, толерантны к ним, не создает препятствий для общебелорусской солидаризации. Уважение к своему народу, его культуре создает возможность для понимания подобных чувств у других. В свою очередь, признание права и интересов других есть фундамент мультикультурного общества в стране. Не этнический нигилизм и этнокультурная однородность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве. Его преуспевание, стабильность, признание в мире представляют общеэтнические интересы, а общечеловеческие ценности — семья, дети, благополучие, справедливость и свободы — разделяются большинством. Именно такую ситуацию и фиксируют социологические исследования во всем мире — у значительной части населения этническая идентичность и общегосударственная совмещаются[1].

[1] Дробижева Л. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость. С. 225.

Цифры и стоящие за ними факты, на основе которых сделаны выводы и обобщения относительно динамики демографических процессов и структурных этнических изменений, как в общей демографической картине, так и в отношении русского населения Могилева, позволяют говорить о том, что позитивные и негативные факторы, влияющие на состояние русской этнической группы областного центра, находятся пока в относительном равновесии. Русские, несмотря на их численное и процентное уменьшение в составе населения города, остаются и, вероятно, еще долго будут оставаться второй по численности этнической группой жителей Могилева. В современных условиях они демонстрируют высокую степень адаптации в городской среде и в быту практически не имеют отличий от горожан-белорусов, хотя достаточно болезненно и в то же время снисходительно относятся к грубым и некорректным, в общей массе немногочисленным, инсинуациям отдельных личностей белорусского национализма.

Популярный в 90-е гг. прошлого века лозунг о «культурно-языковой ассимиляции русских в Беларуси» как необходимом условии государственного строительства, вполне серьезно выдвинутый наиболее рьяными представителями БНФ, не был восприянт русскими Могилева. При этом русские в областном центре были совсем не склонны иронизировать над незавершенностью национального генезиса на Беларуси, где смысловое наполнение понятия «белорускость» может быть расплывчатым и неясным даже для самих белорусов[1]. Как к данности, имеющей свое объяснение, и также без всяких насмешек, выраженных в скрытой форме, русские относятся и к тому, что белорусский языковой национализм, основой которого является особая языковая идентичность, в Могилеве потерпел полную неудачу. Добавим к этому, что подавляющее число русских владеет на бытовом уровне белорусским языком и считает знание основ национального языка и разговорной лексики если и не обязательным, то очень желательным. Не культивируют русские в себе, несмотря на огромный вклад в мировую науку и культуру, и никакой национальной исключительности. Являясь по словам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Сурикова «частью государствообразующей нации», русские и в третьем по численности населения городе Беларуси выступали заметной этнической группой, на протяжении последних столетий участвовавшей в становлении и развитии Могилева как административного, экономического и культурного центра. В этом качестве они могут себя считать одновременно, как и один из авторов, и русскими, и могилевчанами. Что же касается структурирования, как сейчас принято говорить, «большого пограничья»[2], включавшего и Могилев, на белорусском участке западного направления Российской империи и СССР в 1772-1945 гг., то и здесь русский элемент города сыграл свою роль, но это уже тема отдельной статьи.

---

1 Шимов В. В. Изобретая нацию. С. 75.

2 Борисенок Ю. А. Белорусские земли между Польшей и Россией... С. 158-159.

Список использованных источников

1. *Андрос, И. Современное белорусское предпринимательство / И. Андрос // Общество и экономика.— 2011.— № 6.— С. 14-28.*
2. *Борисенок, Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией — от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772-1945 годы) / Ю. А. Борисенок // Новая и Новейшая история.— 2015.— № 5.— С. 148-159.*
3. *Борисенок, Ю. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре / Ю. Борисенок, В. Лобач.— Родина.— 2002.— № 7.— С.46-49.*
4. *Всесоюзная перепись населения 1926 года / Центральное статистическое управление СССР. — М.: Издание ЦСУ СССР, 1928-1929.— Т. XIX — 316 с.*
5. *Всесоюзная перепись населения СССР 1970 года: сб. статей под ред. Г.М. Максимова.— М.: Статистика, 1976.— 286 с.*
6. *Ганин, А. Странная история доктора Грицкевича / А. Ганин // Родина.— 2011.— № 6.— С. 104-105.*
7. *Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. Статистический отдел Могилевской Губернской Земской управы // Государственный архив Могилевской области.— Ф. 1131.*
8. *Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 9. Оп. 3. Д. 18.*
9. *Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 6622. Оп. 1. Д. 272.*
10. *Дробижева, Л. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Л. Дробижева // Безопастность Евразии.— 2003.— № 2 (апрель — июнь).— С. 208-229.*
11. *Карлов, В.В. Этносы и адаптация к среде обитания / В.В. Карлов // Вестник Московского университета. Серия 8. История.— 2007.— № 2.— С. 44-67.*
12. *Каспяровіч, Г. І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект) / Г.І. Каспяровіч // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі: Зборнік навуковых артыкулаў.— Мінск, 1997.— С. 67-81.*
13. *Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.— 10-е изд., стер. — Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014.— 62 с.*
14. *Население Могилевской области: статистический сборник. — Могилев: Могилевское областное управление статистики, 2000.— 48 с.*
15. *Население СССР: По данным переписи 1989 года / Госкомстат СССР.— М.: Финансы и статистика,1990.— 45 с.*
16. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: в 89 т.— СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства Внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого, 1899-1904.— Т. XXIII.Могилевская губерния.— 1903.— 300 с.*
17. *Перепись населения Республики Беларусь 2009 года.— Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009.— 15 с.*
18. *Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Могилевская область.— Мн.: Национальный статистический комитет, 2010.— 124 с.*
19. *Российский государственный архив экономики.— Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995.*
20. *Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев.— Минск: Макбел, 2010.— 256 с.*
21. *Рускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл; Рэдкал.:*

Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. — Мн.: БелЭн, 2001. — Т. 6. — Кн. 1. — С. 143-144.

22. *Сидоренко, Б. И. Русская диаспора Могилева: опыт внешнеполитического взаимодействия Беларуси и России на рубеже XX-XXI веков / Б. И. Сидоренко // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX — начало XXI в.): материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 25-26 апреля 2013 г. / Вит. гос. ун-т.; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) и др. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. — С. 263-266.*
23. *Сидоренко, Б. И. Русские в Могилеве в свете данных демографической статистики конца XIX — начала XXI века / Б. И. Сидоренко, Д. Н. Петров // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. статей междунар. научно-практ. конф., посвященной 100-летию МГУ им. А. А. Кулешова. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2013. — С. 439-441.*
24. *Соловей, Т. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность / Т. Соловей // Родина. — 2011. — № 11. — С. 16-19.*
25. *Старовойтов, М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.) / М. И. Старовойтов // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26-27 чэрвеня 2013 г. / уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. — Магілёў: УА «МДУХ», 2013. — С. 351-357.*
26. *Терешкович, П. Русские в Беларуси / П. Терешкович // Неман. — 1992. — № 6. — С. 164-176.*
27. *Усоский, В. Н. Белорусская экономика: переходный этап / В. Н. Усоский // Современная Европа. — 2007. — № 1. — С. 51-63.*
28. *Шахотько, Л. П. Специфика демографической ситуации в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // Социс. — 2008. — № 2. — С. 47-55.*
29. *Шестопал, Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопал, Г. О. Брицкий, М. В. Денисенко // Социс. — 1999. — № 4. — С. 62-70.*
30. *Шимов, В. В. Изобретая нацию / В. В. Шимов // Беларуская думка. — 2012. — № 7. — С. 67-75.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.03.2016.